

Что нравилось Ильичу из художественной литературы

На днях выходит в свет книга «Воспоминания о В. И. Ленине». В нее вошли воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой, Д. И. Ульянова и М. И. Ульяновой, Н. К. Крупской. Сборник, подготовленный Р. Савицкой, выходит в издании Госполитиздата. Ниже мы публикуем отрывок из воспоминаний Н. К. Крупской о В. И. Ленине.

Товарищ, познакомивший меня впервые с Владимиром Ильичем, сказал мне, что Ильич — человек ученый, читает исключительно ученые книжки, не прочитал в жизни ни одного романа, никогда не читал стихов. Помнится, в Сибири был также «Фауст» Гете на немецком языке и томик стихов Гейне.

Возвращаясь из Сибири, в Москве Владимир Ильич ходил раз в театр, смотрел «Извозчик Геншель», потом говорил, что ему очень понравилось.

В Мюнхене из книг, нравившихся Ильичу, помню роман Гергарда «Bei Mama» («У мамы») и «Büttnerbauer» («Брестьянин») Поленца.

Потом, позже, во вторую эмиграцию, в Париже, Ильич охотно читал стихи Виктора Гюго «Châtiments», посвященные революции 48 года, которые в свое время писались Гюго в изгнании и тайно ввозились во Францию. В этих стихах много какого-то наивной налыщенности, но чувствуется в них все же велие революции. Охотно ходил Ильич в разные кафе и пригородные театры слушать революционных шансонетчиков, певших в рабочих кварталах обо всем — и о том, как подвыпившие крестьяне выбирают в палату депутатов проезжего агитатора, и о воспитании детей, и о безработице, и т. п. Особенно нравился Ильичу Монтегюс. Сын коммунара, Монтегюс был любимец рабочих окраин. Правда, в его импровизированных песнях — всегда с ярко бытовой окраской, не было определений каких-нибудь идеологий, но было много искреннего увлечения. Ильич часто напевал его привет 17-му полку, отказавшемуся стрелять в стачечников: «Salut, salut à vous, soldats du 17-me» («Привет, привет вам, солдаты 17-го полка»). Однажды на русской вечерице Ильич разговарился с Монтегюсом, и странно, эти столь разные люди — Монтегюс, когда потом разразилась война, ушел

Но жизнь тогда сложилась так, что не удастся мы как-то поговорить на эту тему. Потом уж, в Сибири, узнала я, что Ильич не меньше моего читал классиков, не только читал, но перечитывал не раз Тургенева, например. Я привезла с собой в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина. Но не только форму ценил он. Например, он любил роман Чернышевского «Что делать?», несмотря на малохудожественную наивную форму его. Я была удивлена, как внимательно читал он этот роман и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил. Впрочем, он любил весь облик Чернышевского, и в его сибирском альбоме были две карточки этого писателя: одна, надписанная рукой Ильича,

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

2 стр.

7 апреля 1955 г.

в лагерь шовинистов — размечтались о мировой революции. Так бывает иногда — встречаются в вагоне малознакомые люди и под стук колес вагона разговариваются о самом заветном, о том, чего бы не сказали никогда в другое время, потом разойдутся и никогда больше в жизни не встретятся. Так и тут было. К тому же разговор шел на французском языке, — на чужом языке мечтать вслух легче, чем на родном. К нам приходила на пару часов француженка-уборщица. Ильич услышал однажды, как она напевала песню. Это эльзасская песня. Ильич попросил уборщицу пропеть ее и сказать слова и потом нередко пел сам ее. Кончалась она словами:

*Vous avez pris l'Alsace et la Lorraine.
Mais malgré vous nous resterons français,
Vous avez pu germaniser nos plaines,
Mais notre coeur — vous ne l'aurez jamais!*

(«Вы взяли Эльзас и Лотарингию, но вопреки вам мы остаемся французами; вы могли онемечить наши поля, но наше сердце — вы никогда не будете его иметь!»).

Был это 1909 г. — время реакции, партия была разгромлена, но революционный дух ее не был сломлен. И созвучна была эта песня с настроением Ильича. Надо было слышать, как победно звучали в его устах слова песни:

Mais notre coeur — vous ne l'aurez jamais!

В эти самые тяжелые годы эмиграции, о которых Ильич всегда говорил с какой-то досадой (уже вернувшись в Россию, он как-то еще раз повторил, что не раз говорил раньше: «Из-за чего мы только тогда уехали из Женевы в Париж?»), в эти тяжелые годы он упорнее всего мечтал, мечтал, разговаривая с Монтегюсом, победно распевая эльзасскую песню, в бессонные ночи зачитываясь Верхарном.

Потом позже, во время войны, Владимир Ильич увлекался книжкой Барбюса «Le feu» («Огонь»), придавая ей громадное значение. Эта книжка была так созвучна его тогдашним настроением.

Мы редко ходили в театр. Пойдем, было, но ничтожность пьесы или фальшивые игры всегда резко били по нервам Владимира Ильича. Обычно, пойдем в театр и после первого действия уходим. Над нами смеялись товарищи, — зря деньги переведены.

Но раз Ильич досидел до конца; это было, кажется, в конце 1915 г.; в Берне ставили пьесу Л. Толстого «Живой труп».

Хоть шла она по-немецки, но актер, игравший князя, был русский, он сумел передать замысел Л. Толстого. Ильич напряженно и взволнованно следил за игрой.

И, наконец, в России. Новое искусствоказалось Ильичу чужим, непонятным. Однажды нас позвали в Кремле на концерт, устроенный для красноармейцев. Ильича провели в первые ряды. Артистка Гзовская декламировала Маяковского: «Наш бог — бег, сердце — наш барабан» и наступала прямо на Ильича, а он сидел, немногим растерянный от неожиданности, недоумевающий, и облегченно вздохнул, когда Гзовскую сменил какой-то артист, читавший «Зломуышленника» Чехова.

Раз вечером захотелось Ильичу посмотреть, как живет коммунарская молодежь. Решили нанести визит нашей вхутемасовке Варе Арманд.

Было это, кажется, в день похорон Кропоткина, в 1921 г. Был это голодный год, но было много энтузиазма у молодежи. Спали они в коммуне чуть ли не на голых досках, хлеба у них не было, «зато у нас есть крупа», с сияющим лицом заявил дежурный член коммуны вхутемасовец. Для Ильича сварили они из этой крупы важненскую капшу, хотя и была она без соли. Ильич смотрел на молодежь, на сияющие лица обступивших его молодых художников и художниц — их радость отражалась и у него на лице. Они показывали ему свои наивные рисунки, объясняли их смысл, засыпали его вопросами. А он смеялся, уклонялся от ответов, на вопросы отвечал вопросами: «Что вы читаете? Пушкина читаете?» — «О нет, — выпалил кто-то, — он был ведь буржуазный — Маяковского». Ильич улыбнулся.

«По-моему, — Пушкин лучше». После этого Ильич немного подобрел к Маяковскому. При этом имени ему вспоминалась вхутемасовская молодежь, полная жизни и радости, готовая умереть за Советскую власть, не находящая слов на современном языке, чтобы выразить себя, и ищащая этого выражения в малоизвестных стихах Маяковского. Позже Ильич похвалил однажды Маяковского за стихи, высмеивающие советский бюрократизм. Из современных вещей, помню, Ильичу понравился роман Эренбурга, описывающий войну:

«Это знаешь, — Илья Лихматый (клиника Эренбурга), — торжествующее рассказывал он. — Хорошо у него вышло».

Ходили мы несколько раз в Художественный театр. Раз ходили смотреть «Но-тон». Ильичу ужасно понравилось. Захотел идти на другой же день опять в театр. Шло Горького «На дне». Алексея Максимо-

вича Ильич любил как человека, к которому почувствовал близость на Лондонском съезде, любил как художника, считал, что как художник Горький многое может понять с полусловами. С Горьким говорил особенно откровенно. Поэтому, само собой, к игре веши Горького Ильич был особенно требователен. Излишняя театральность постановки раздражала Ильича. После «На дне» он надолго бросил ходить в театр. Ходили мы с ним как-то еще на «Дядю Ваню» Чехова. Ему понравилось. И, наконец, последний раз ходили в театр уже в 1922 г. смотреть «Сверчка на печи» Диккенса. Уже после первого действия Ильич заскучал, стала бить по нервам мещанская сентиментальность Диккенса, а когда начался разговор старого игрушечника с его склонной дочерью, не выдержал Ильич, ушел с серединией действия.

Последние месяцы жизни Ильича. По его указанию я читала ему беллетристику, к вечеру обычно. Читала Щедрина, читала «Мои университеты» Горького. Кроме того, он любил слушать стихи, особенно Демьяна Бедного. Но нравились ему больше не сатирические стихи Демьяна, а пафосные.

Читалось ему, бывало, стихи, а он смотрит задумчиво в окно на заходящее солнце. Помню стихи, кончавшиеся словами: «Никогда, никогда коммунары не станут рабами».

Читалось, точно клятву Ильичу повторяешь, — никогда, никогда не отдадим ни одного завоевания революции...

За два дня до его смерти читала я ему вечером рассказ Джека Лондона — он и сейчас лежит на столе в его комнате — «Любовь к жизни». Сильная очень вещь. Через снежную штормину, в которой нога человеческая не ступала, пробирается к пристани большой реки умирающий с головой большой человек. Слабеют у него силы, он не идет, а ползет, а рядом с ним ползет тоже умирающий от голода волк, идет между ними борьба, человек побеждает, — полумертвый, полубезумный добирается до цели. Ильич рассказал этот понравился чрезвычайно. На другой день просил читать рассказы Лондона дальше. Но у Джека Лондона сильные вещи перемешиваются с чрезвычайно слабыми. Следующий рассказ попал совершенно другого типа — пропитанный буржуазной моралью: какой-то капитан обещал владельцу корабля, нагруженного хлебом, выгодно сбить его; он жертвует жизнью, чтобы только сдержать свое слово. Засмеялся Ильич и махнул рукой.

Больше не пришло мне ему читать...